

Утро, день, вечер

Женя Крич

ФАНТАСТИКА

Когда мне впервые выпустили кишки, я испытал самый настоящий ужас. Долгие полминуты пытался зачихать свои внутренности в распоротый живот, не понимая, зачем они во мне. А потом, вынырнув из пустоты, недоумевал, куда они делись. Я ощупывал свое тело — гладкое, без единого шрама, словно только что появился на свет. Сначала думал, что поймал какую-то дикую галлюцинацию. Я не верю в воскрешение из мертвых. Значит, или меня никто не убивал, или я умер и попал в ад. В наличии рая, как земного, так и загробного, я всегда сомневался. Ад же ничем не отличался от родного города. Там даже был двор, похожий на мой, и блочный дом, точь-в-точь. Шатаюсь, я поднялся по лестнице, нащупал в кармане джинсов ключ и не без труда вставил его в замочную скважину.

Чуть приоткрылась соседская дверь, и в проеме показалась седая голова любопытной назойливой тетки.

— Костя, у вас все в порядке? Вы еле на ногах стоите. Ой, кровь на рубашке... — И голос такой участливый, аж тошнит.

— Все в порядке, Надежда Сергеевна.

Так она и поверила. Дверь тихонько закрылась, щелкнул сначала один замок, за ним другой, потом звякнула цепочка. Была б щеколда, соседка бы и на нее заперлась. Запищали кнопки телефона. Так и есть, в ментовку звонит, старая клюшка. Сейчас расскажет им, что я душегуб и кровопийца. А все из-за того, что иногда громко включаю музыку. Когда приехал наряд, я окончательно убедился, что ад — это продолжение земной жизни. Черти ничуть не отличались от самых обычных наших ментов. Индульгенции раздавали за рубли, но охотнее за доллары. С помощью пары шуршащих банкнот мир между соседями был восстановлен.

Утром я списал произошедшее на похмелье (накануне с сотрудниками отмечали уход товарища на пенсию) и отправился на работу.

От дома до автосервиса — рукой подать, да и погода, как и вчера, баловала солнышком и теплым ветерком. Даже не скажешь, что осень. Когда изо дня в день совершаешь один и тот же маршрут, то с теми, кто встречается по пути, образуется нечто вроде родства, эдакий клуб «семь тридцать утра» — женщина с коляской, мужчина в вельветовой куртке (она у него одна на все времена, как зимой не мерзнет — ума не приложу), дедуля с мольбертом под мышкой... В какой-то момент меня обгоняет старенький пыльный автобус — почти всегда по расписанию. А выйдешь на полчаса позже или раньше — словно попадаешь в другой мир, где все чужие и незнакомые. Так что поначалу дежавю не вызвало у меня подозрений. Все дни походили один на другой, а уж с перепоя с трудом отличишь. Я отметился на проходной, надел спецовку, удивился, столкнувшись с Семеном, которого, по идее, вчера проводили на пенсию.

— Что, уже достала жизнь пенсионера?

— Костик, ты о чем? Жизнь пенсионера начинается завтра. Мы еще даже не отмечали, а ты уже готов.

— Да нервничаю я, кто ж меня вместо тебя подменять будет? — ответил я. Семен, весьма покладистый мужик, часто выручал и выходил в мою смену.

Мы потрепались пару минут об удручающих реалиях российского футбола, об очередном политическом кризисе на мировой арене и о подскочивших ценах на автозапчасти. Без сомнения, мир катился в тартарары, не спросивши у нас на то разрешения.

Не по себе стало, когда подъехал довольно заметный пятнистый «фиатик», раскрашенный под леопарда в рекламных целях какой-то страховой компанией. Лично вчера менял ему масло и покрышки. Теперь же «фиатик» как ни в чем не бывало снова явился на сервис. Я поставил машину на подъемник и убедился, что графитной смазкой, которую нанес накануне, даже и не пахнет.

«У меня едет крыша», — подумал я.

Или, может, открылась сверхспособность видеть ближайшее будущее?

— Ну ты, блин, даешь, — сказал Толян, один из механиков, когда я «предсказал» появление в салоне гламурной дамочки с целью поменять в «хайландере» заднюю дверь, которую она сама же и заблокировала.

«Чувак, ты, в натуре, полтергейст», «Давай, записывайся на битву экстрасенсов», «Костик, на какие номера лучше в лото поставить» и так далее. Это было бы забавно и даже полезно, если б на душе не становилось с каждой «угаданной» деталью все тягостней и беспокойней.

Ушел пораньше, едва не поругавшись с почти пенсионером Семеном и всем коллективом.

Уже когда подходил к дому, почувствовал за спиной взгляд. Зайдя в подъезд, вместо того чтобы подняться по лестнице, я нырнул за дверь, ведущую в подвал. План был такой: напасть на негодяя сзади, не дав ему возможности вытащить нож, оглушить, а потом разбираться. Монтировку я предусмотрительно прихватил из мастерской и спрятал в рюкзаке. Но не вышло. У мерзавца оказался ствол. Говорят, умирая, человек видит перед глазами всю жизнь. Люди, глядя в лицо смерти, вдруг осознают нечто важное и испытывают горькое сожаление о том, что осознали это слишком поздно. Лицо же моей смерти было совершенно не примечательным. Капюшон надвинут на глаза, двухдневная щетина на подбородке, на вид лет сорок, может, больше, рост выше среднего. Нет, раньше не встречались, не помню. Я успел прошептать «за что?» и, прежде чем вырубиться, услышал: «За Ларису».

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я встал ключ в замок. Монтировка пропала. Одежда была та же, что и вчера, хотя мне казалось, что я ее выкинул. Огнестрел, как и нож, не оставил следов на теле — только слабость и головокружение. Я даже не удивился, когда услышал звон соседской дверной цепочки:

— Костя, у вас все в порядке? Вы еле на ногах стоите. И кровь на рубашке...

— Все в порядке, Надежда Сергеевна. Полицию не вызывайте, обещаю музыку громко не слушать.

Соседская дверь бесшумно закрылась. Я скачал в Интернете «День сурка», но не досмотрел — уснул на середине.

Кто такая Лариса? Что я натворил и почему меня убивают? При чем здесь воскрешение из мертвых? В сверхъестественное не верю, значит, единственное объяснение — белая горячка, галлюцинация, шизофрения. Мне нужен психолог. Точнее, психиатр.

Когда я признался самому себе в неадекватности, стало легче. Проблема четко обозначилась, а значит, появились варианты ее решения. Прежде всего надо было найти соответствующего специалиста. Спросить у знакомых я не мог — публично расписываться в собственном психозе не хотелось. Искал по каталогу в Интернете. Выбрал по фотке — ну а как еще выбирать, если никого не знаешь? А тут дамочка на вид ничего так. Не то чтобы в моем вкусе — слишком строгое лицо плюс очки. Зато всякие дипломы нужны при ней. Назначила мне встречу через два дня. За это время я успел выиграть в лотерею миллион (получить его все равно не вышло), укатать Семена и еще двоих наших в очко (плевое дело, если знаешь весь расклад), переспать с девушкой Толяна и разбить ему физиономию (ни он, ни она об этом на следующий день не помнили), нагругить начальству, затем уволиться (тоже без последствий) и дважды умереть. После чего я понял, что «послезавтра» никогда не наступит и для меня существует только «сегодня», которое странным образом переплетается с «вчера». В одно из повторяющихся утр я вместо мастерской отправился на прием без записи, прождал в коридоре два часа, но меня наконец приняли.

Звали докторшу Ирина. Пришлось заполнять кучу бланков с дебильными вопросами вроде «мечтаю ли я убить своих родителей», «посещают ли меня навязчивые идеи» и «как часто мне хочется покончить с собой».

Сказать, что за мной следят и хотят убить? Паранойя налицо. Надо как-то иначе.

— Последнее время мне кажется, что я уже умер.

Похоже, мое заявление докторшу не удивило. Видимо, к ней приходят психи с проблемами покругче. А может, в городе целая эпидемия свежеебитых ходящих мертвецов.

Ирина расспрашивала меня о моем детстве, показывала черно-белые картинки с геометрическими фигурами. Сейчас поставит диагноз вроде «маниакальной депрессии», выпишет каких-нибудь таблеток и отправит восвояси, предварительно облегчив мой кошелек. Эти мозгоправы зарабатывают дай Бог каждому.

Я угадал без всякой мистики: успокоительное средство, нормированный рабочий день, физкультура-спорт и повторный визит через две недели. Правда, не так уж дорого — видимо, клиника новая.

Я решил попытаться.

— Ирина, можно задать вам личный вопрос? Ответ на него очень важен.

— Пожалуйста, — ответила она.

— Сколько вам было лет, когда вы в первый раз... хотя нет, не хочу вас смущать. Просто расскажите мне о себе что-нибудь, чего никто не знает.

— Странная просьба, — усмехнулась Ирина, — ну что ж. Когда мне было десять лет, я украла книгу из библиотеки. Называлась она «Белый Бим Черное ухо». Я мечтала о со-

баке, но родители были против. Годится?

— Вполне.

Домой возвращался с мыслью «будь что будет», с нездоровым предвкушением ожидая свою смерть.

Перед тем как мне накинута удавку на шею, дохнув в лицо перегаром, я успел спросить:

— Кто такая Лариса?

— Моя дочь, ублюдок, — прозвучало в ответ и слилось с пустотой.

Назавтра я уже не ждал в коридоре. Явился в клинику раньше всех и подловил Ирину на входе.

— Послушайте, у меня нет времени — вечером меня убьют. — Я загородил женщине дорогу.

— Если вы так серьезно считаете, обратитесь в полицию, — посоветовала докторша, пытаясь меня обойти.

Ну вот, сейчас. Только что делать, если не сработает?

— Когда вам было десять лет, вы украли книгу из библиотеки.

Ирина вздрогнула.

— Не понимаю, о чем вы.

— «Белый Бим Черное ухо», помните? Родители не разрешали вам завести собаку.

— Кто вам об этом сказал?

— Вы сами. Ну так что, поговорим?

Секретарша сварила нам кофе. Ирина продолжала недоумевать по поводу давнишней библиотечной книжки, никак не могла поверить. Да кто ж поверит в подобный бред? Я пустил в ход все свое красноречие.

— Понимаете, мне очень нужно узнать, кто такая Лариса, почему меня из-за нее постоянно убивают. Что это за мистика с воскрешением из мертвых? Не снится же мне оно? И вы с вашей книжкой не приснились — я был здесь вчера, только для вас это опять сегодня.

Ирина сидела за столом, задумавшись. Она, скорее всего, моложе, чем выглядит. Деловой костюм, едва заметный макияж и серьезное лицо с выражением как у школьной училки кого угодно сделают старше.

— Интересный случай. Хотелось бы им заняться прямо сейчас, но у меня весь день пациенты. Если верить вашим словам, то послезавтра вы на прием прийти не сможете. С другой стороны... Давайте проведем небольшой эксперимент. Я вам напишу такое, на что наверняка прореагирую определенным образом, отменю прием и, пожалуй, сама запишусь к психотерапевту. — Ирина попыталась улыбнуться. — Не пароль от банковского счета, конечно, и не компромат какой, но все же. Вы же в свою очередь проанализируйте каждый из повторяющихся дней: что бросилось в глаза, что выглядело нелогичным. И постарайтесь не выходить из дома, попросите кого-то из друзей побыть с вами на всякий случай. Да, там номер моего сотового тоже.

Докторша протянула мне лист бумаги, сложенный вчетверо. Мне предстояло выучить текст наизусть — завтра он все равно исчезнет. Врач-психиатр — это не частный детектив, однако ни один сыщик не возьмется за это дело, если он не конченный псих. А тут меня хотя бы выслушали. И что интересно, даже денег за прием не взяли, пусть деньги для меня сейчас — последнее, о чем я стал бы беспокоиться. На работу я даже не позвонил — какой смысл, если завтра опять то же самое. А если нет — то уж найду, как объясниться. Весь день просидел дома. Через несколько часов позвонила Ирина, узнать, все ли у меня в порядке.

— Я вот что подумала. Если среди ваших знакомых девушек нет ни одной Ларисы, то она наверняка из клиентов автосервиса. Вы же не всех их помните. Подумайте, может, вы нагрубили кому-то, обидели кого или обсчитали...

— Хорошо, постараюсь, — ответил я.

Вечер прошел спокойно. Никто не ломился в дверь с целью меня убить. Я обрадовался, что кошмар закончился, но все еще боялся ложиться спать. Под утро уснул, а проснувшись, почувствовал себя свободным человеком, словно груз с души упал. Иринина записка валялась на столе, где я ее вчера оставил. Поход к психоаналитику в свете нового дня показался смешной затеей. Стишок она мне там написала. Дура очкастая. К черту похмельный бред. Глюк в системе, вот что со мной случилось. Пить надо меньше, телек меньше смотреть. Бабу нормальную завести, тогда и крыша ехать перестанет.

Солнечные лучи, пробивающиеся через оконные занавески, запах свежесваренного кофе и босанова из динамиков на полную мощь свидетельствовали о том, что начался новый нормальный день. Ура, я жив, и это большая удача. Однако радовался я недолго. Выстрелили в меня на выходе из подъезда. И хоть мне показалось, что очнулся я почти мгновенно, на улице уже вечерело.

— Константин, как вам не стыдно! Вы пьяница и дебошир! Ужрались до полной потери сознания! — Соседка раскачивалась надо мной, как надувная фигура мультяшного Супермена перед Макдональдсом. — Еще и физиономии себе разбили. Вы что, с лестницы упали?

Я провел ладонью по лицу. Надо же, кровь. В голову, сука, стрелял.

— Все в порядке, Надежда Сергеевна. Уже иду домой. Полицию только не вызывайте. Впрочем, как хотите. Можете вызывать, дело ваше.

Я с трудом поднялся и, шатаясь, поплелся наверх.

— Послушайте, у меня нет времени — вечером меня убьют. — Я загородил Ирине дорогу.

— Если вы так серьезно считаете, обратитесь в полицию, — прозвучало в ответ.

— Когда-то давно вы украли книгу из библиотеки, потому что родители не разрешили вам завести собаку. Впрочем, черт с ней, с книгой. Вот послушайте. Только не кричите, пожалуйста. У вас такой вид, как будто вы сейчас заорете. Я не маньяк. К тому же тут везде камеры. Просто послушайте. — Я схватил Ирину за руку, притянул к себе и зашептал, почти касаясь губами ее аккуратно уложенных волос:

*Удача в чем? Стара печаль как мир —
Кому вино, кому кефир-клистир,
Кому взлететь, кому совсем иначе.
Кому везет в очко и в домино,
Кому-то откровенно все равно,
В чем видеть свою главную удачу...*

Там дальше что-то еще, но я забыл. Но я вспомню. Хотите? Вспомню...

Ирина высвободила руку. Глаза ее выражали смятение, непонимание и полную растерянность.

— Откуда вы знаете эти стихи? — спросила она.

— От вас.

— Идемте за мной, — Ирина вошла в лифт, — в кабинете все мне расскажете.

Я последовал за ней, на ходу отмечая стройную фигуру и длинные ноги, которые не скрывала деловая строгая юбка.

— Значит, вы говорите, что приходили сюда вчера...

ФАНТАСТИКА

— И позавчера, — добавил я, — только для всех остальных это все равно сегодня.

Кресло подо мною было мягким и теплым. При других обстоятельствах я бы в нем с удовольствием подремал.

— Допустим, я вам верю. Допустим, для того чтобы ваши злключения кончились, нужно узнать, кто и за что вас собирается убить. — Ирина сняла очки и уставилась в одну точку перед собой. Без очков она мне даже нравилась.

— У меня нет ни одной знакомой Ларисы, включая школьных подружек и случайных барышень. Я не помню, чтобы я кому-то хамил или грубил настолько, чтобы меня в отместку резать. И вот еще: почему каждый раз он меня убивает по-разному? То стреляет, то душит? Зарезать, правда, пытался дважды. А во всем остальном — ну просто гений разнообразия.

— Видимо, когда день ваш идет иначе, чем вчера, то случай подсовывает убийце самое удобное на данный момент орудие преступления. Судите сами, спрятавшись в подвале, вы лишили убийцу возможности напасть на вас с ножом внезапно, и Провидение позаботилось о том, чтобы снабдить его более надежным орудием убийства. Если вы, конечно, верите в Провидение.

Сейчас я был готов поверить хоть в черта лысого.

— От него перегаром несло, когда он душил меня пару дней назад, — угрюмо добавил я.

— Вполне возможно, ваш убийца невменяем или в состоянии аффекта. По какой-то причине считает вас виноватым в несчастье, постигшем его дочь, и мстит. А ведь он ни разу не промахнулся, да и ножом владеет неплохо. Вероятно, имеет разрешение на ношение оружия.

— Бывший военный или мент? Мужик крепкий, вне сомнения. Лицо самое непримечательное. У меня вообще на лица память отвратительная. Даже если и встречал где-то — могу не вспомнить. Другое дело, если тачку чью-то видел — уже никогда не забуду.

— У вас есть доступ к базе данных клиентов автосервиса? — спросила Ирина.

— Нет, да мне никогда и не требовалось.

— Боюсь, что вам придется отправиться сейчас на работу и кое-что разузнать, — подытожила докторша и набросала мне список, чтоб я не забыл.

Уходя, я спросил ее:

— А что в тех стихах такого особенного?

Ирина усмехнулась:

— Я их сочинила вчера ночью и никому не показывала.

Впервые за несколько дней мне сделалось спокойно, словно тяжкий груз, внезапно свалившийся на мои плечи, если не разделили пополам, то значительно облегчили — ровно на столько, чтоб можно было оглядеться, отдышаться и внезапно почувствовать отчаянное желание жить. Ирина что-то записывала в блокнот, вряд ли подозревая о вихре эмоций, захлестнувших меня с головой. Взять за

руку? Нет, не то. Пригласить куда-нибудь (разумеется, когда весь кошмар уже закончится)? Тоже не то.

— Ира...

Она удивленно взглянула на меня.

— Спасибо.

На ресепшене у нас Алена, девушка Толика, с которой мы в один из недавних дней прямо в подсобке выяснили, что секс может быть не просто быстрым, а стремительно быстрым. И хоть Алена ничего не помнила, я испытывал нечто вроде смущения, глядя на нее.

— Слушай, — сказал я ей как можно спокойней, — чего у тебя вид такой заspanный? Небось Толик стиркой-уборкой грузит?

— Да иди ты, — отмахнулась Алена, уткнувшись в компьютер. — Что, правда плохо выгляжу?

— Выглядишь ты, как всегда, потрясно. Но уставшей. Кофе попей. Эклер съешь. Хочешь? Я по дороге купил, могу поделиться.

— А чего ты такой вдруг добрый? Клинья подбиваешь?

— Я серьезно. Мне заодно кофе забацай. А я тут вместо тебя постою.

Алена упорхнула, прихватив пакет с пирожными. Сладкое, конечно, ей ни к чему. Еще пару лет потребления таких пирожных — и будет порхать, как корова на лугу.

Компьютер остался под моим присмотром.

Ларис в нашей базе данных нашлось четыре: последняя «инфинити», пятилетний «рено-логан», позапрошлогодний «вольво-V60» и древняя отечественная «копейка» — музейная редкость и символ эпохи.

Но я в последние несколько месяцев не обслуживал ни одну из этих машин, а значит, не мог пересечься с их владельцами. Судя по всему — Лариса довольно молода, раз в дочках у моего убийцы. Ну, явно не на «копейке» разъезжает. А что, если тачка оформлена у нас на мужика, а Лариса просто на ней приезжала? Вот ведь задача...

Я скинул данные Ирине и, дождавшись Алёну, отправился выяснять, не спрашивал ли обо мне кто-либо в последнее время.

Ближе к обеду вышел покурить, глянул в телефон — пропущенный звонок от Ирины и несколько сообщений:

«Нашла вашу Ларису в сводке новостей».

«Несчастный случай на прошлой неделе».

«Не справилась с управлением».

«Кажется, в тот день шел дождь».

«Позвоните мне».

«Не могу до вас дозвониться. Скоро буду».

Уже собирался звонить, но увидел, что она паркуется напротив автосервиса.

Когда она вышла из машины, я ее даже не сразу узнал. Видимо, прилизанный офисный прикид у нее только для клиники, а вне работы — нормальная девушка, хорошенькая, на каблуках и с кудряшками.

— Костя! — Ирина махнула мне рукой.

Я бросился к ней и не успел.

Меткий отец Ларисы промахнулся. Он не ожидал, что я сорвусь с места. Не ожидал, что Ирина побежит навстречу ко мне. Пуля пронеслась возле самого моего виска, и я не сразу понял, что произошло. Ирина осела на тротуар, распечатки бумаг выпали у нее из рук и разлетелись по мостовой.

Убийца не пытался скрыться. Он, не сопротивляясь, дал мне уложить себя лицом в асфальт.

— Я не хотел. Я стрелял в тебя. Я не хотел в девушку.

— Хотел в меня? Вот и давай. — Я поднял его с земли, сунул ему в руку упавший пистолет, предварительно взведя курок. — Давай же. Стреляй. Мы все переиграем. Я как раз очень желаю сейчас помереть. Потому что все неправильно. Это нужно заново. Ну же.

— Ты убил мою дочь, — пробормотал незнакомец.

— Я убил всех на свете дочерей. Стреляй уже.

Но он так и не выстрелил.

А потом подросли Семен, Толик и еще парочка механиков. Начались сумятица и переполох, кого-то били, кто-то кричал. Сквозь плотный туман я видел только Ирину, держал ее тонкую бледную руку, и мне не верилось, что все кончено. Где-то над ухом бубнил Семен:

— Ну да, я делал в ихнем «логане» тормоза. Еще радовался, что колодки фирменные недорого нашел. Росстандарт на упаковке, знак качества. Я ж не для того, чтоб разницу в цене в карман положить... Мужик приходил потом в журнал смотреть, хотел узнать, чья смена была. Корочками размахивал. Я и правда забыл, Костик, что я тебя подменял. А в журнале так и осталось. Кто ж знал, что это папаша той девочки. Я не зассал, я просто забыл. И не для того, чтоб разницу в карман. Да там и разница-то небольшая... Мужики, ну что ж вы на меня так смотрите все, а? Пенсия копеечная, а колодки — как родные, только дешевле...

Семен продолжал причитать сквозь вой сирены «скорой помощи», а мне все казалось, что это меня, а не Ирину сейчас погружат на носилки, укрыв белой простыней, и увезут туда, где нет ни солнца, ни осени, ни света. Вообще ничего.

Я очнулся от прикосновения к лицу чего-то махрового, пушистого, пахнущего, как ни странно, чесноком и жареным луком. Ядовито-зеленый шарф Надежды Сергеевны болтался у меня перед глазами. Соседка критически оглядывала мое распластанное на лестничной клетке тело.

— Вот я стою и думаю: кого вызывать — милицию или «скорую помощь»?

Я медленно поднялся, хватаясь руками за стену.

— Раньше вытрезвители были для таких, как вы, — продолжала Надежда Сергеевна. — А теперь вот — полюбуйтесь, какой сервис.

Соседка всунула мне в руку рекламный буклет. Буквы расплзались по глянцевой бумаге, но спорить с не в меру заботливой теткой не хотелось.

«Лечение алкогольной и наркотической зависимости, стрессов и клинической депрессии. Помощь квалифицированного психолога. Скидки новым клиентам. Телефон для записи...» Я замер, разглядывая знакомое лицо на фоне здания клиники.

Ничего не кончилось? Или кончилось, но... Сейчас ночь, в клинику звонить поздно. А ведь Ирина давала мне свой мобильный на клочке бумаги вместе со строчками, которые я забыл. Но я вспомню, обязательно вспомню...

Нам выпадет удача из удач,

А дальше хочешь — смейся, хочешь — плачь,

Грызи кулак, толкай себя с обрыва,

Авось сумеешь умереть красиво.

Бесшумно вой, пока соседи пьют,

Под утро обязательно найдут

И откачают (если повезет).

Удача — это смерть наоборот,

А значит, не зависит от цены.

Мы вечно на нее обречены.

